
О МЕТОДОЛОГИИ ОСНОВНОГО ТЕЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Егоров Д. Г., Егорова А. В.*

В статье дается критическая интерпретация процессов, происходящих в последние десятилетия в методологии основного направления экономической теории. Высказывается гипотеза, что наблюдаемая девальвация понятия «истина», толерантность к противоречиям частных теорий и т. п. есть форма защиты «твердого ядра» экономической теории (и, через это – идеологической защитой всей мировой финансово-экономической архитектуры). Сделан вывод, что выход из теоретического кризиса экономической теории (а таковой, по мнению авторов, очевидно имеет место) находится не в размывании тысячелетних стандартов научности, а в возврате к оным.

Ключевые слова: *мейнстрим, методология, наука, неоклассическая теория, парадигма, принцип, экономическая теория.*

ON THE METHODOLOGY OF THE MODERN MAINSTREAM ECONOMIC THEORY

The article provides a critical interpretation of the processes taking place in recent decades in the methodology of the mainstream of economic theory. It is hypothesized that the observed devaluation of the concept of “truth”, tolerance to the contradictions of private theories, etc. is a form of protection of the “hard core” of economic theory (and, through this – the ideological protection of the entire world financial and economic architecture). It is concluded that the way out of the theoretical crisis of economic theory (and such, according to the authors, obviously takes place) is not in the erosion of the millennial standards of scientific character, but in the return to them.

Keywords: *economic theory, mainstream, methodology, neoclassical theory, paradigm, principle, science.*

Введение

С последней четверти XX в. в мировой экономической науке практически полностью доминирует неоклассическая экономическая теория¹. Ввиду своего

* Егоров Дмитрий Геннадьевич – д. ф. н., профессор Псковского филиала Академии ФСИН России, Псковского государственного университета. E-mail: de-888@ya.ru.

Егорова Анжела Васильевна – к. э. н., доцент, независимый исследователь.

Dmitry G. Egorov – Dr. of Philosophy, Professor at the Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia & Pskov State University. E-mail: de-888@ya.ru.

Anzhela V. Egorova – Candidate of Economic Sciences, Associate professor, independent researcher.

¹ В формах монетаризма [Фридмен 2006], теории рациональных ожиданий [Lucas 1972], нового неоклассического синтеза [Woodford 2009] и др.

особого статуса в последние десятилетия зачастую ее обозначают термином «экономический мейнстрим». Мейнстрим является теоретической основой современного финансово-экономического порядка: идеологией МВФ, ВТО, – и вообще лежит в основе архитектуры мировой экономики. Иными словами, экономический мейнстрим является одним из существенных элементов идеологии глобализации (тех ее форм, которые доминируют в мире после развала СССР).

В то же время многие авторы, весьма авторитетные и титулованные [Сорос 1999; Хомский 2002; Стиглиц 2011 и др.], в том числе и на страницах «Века глобализации» [Делягин 2009; Хасбулатов 2011а; 2011б; 2017], указывают, что современный финансово-экономический порядок организован в мире таким образом, что страны ядра мировой экономики (так называемый «золотой миллиард») имеют существенные экономические преференции. Масштаб и значимость проблемы дисбалансов мировой экономики таковы, что неоднократно озвучивались и на высшем политическом уровне. Так, в качестве одной из главных целей образования БРИКС декларировано «общее стремление партнеров по БРИКС реформировать устаревшую международную финансово-экономическую архитектуру» [Концепция... 2013].

Задача реорганизации мирового финансово-экономического устройства предполагает адекватный теоретический базис. Экономический мейнстрим достаточно давно подвергается жесткой критике. Вероятно, главный пункт этой критики – неадекватность аксиом и принципов, лежащих в основе мейнстрима². В настоящей статье мы предполагаем критически рассмотреть другой аспект проблемы адекватности основного течения экономической теории: дать критическую интерпретацию процессов, происходящих в последние десятилетия в методологии мейнстрима. Имеются в виду тенденции к девальвации понятия «истина», толерантности к противоречиям частных теорий, постмодернистским «деконструкциям» и т. п. [см., например: Болдырев 2011; Макклоски 2015; Кошовец 2019].

В частности, наш текст посвящен обоснованию тезиса: то, что внешне можно интерпретировать как деградацию научного метода, по сути, является защитой «твердого ядра»³ теории мейнстрима (и, через это – защитой всей мировой финансово-экономической архитектуры).

По нашему мнению, для адекватного понимания вышеобозначенных процессов и явлений необходимо их рассмотрение в более широком контексте развития философии науки в целом: понимания, что есть наука в своей сущности. С этого мы и начнем.

О научном методе (в целом)

Мышление – атрибут человека, отличающий его от животных.

Человека можно определить как существо, живущее в двух мирах – материальном (назовем его, следуя К. Попперу [Popper 1972], 1-м миром) и идеальном

² Большое количество авторов уже не одно десятилетие (особенно активно – после кризиса 2008–2009 гг.) указывают на искусственность принципа априорной равновесности рынков (в частности) и неадекватность неоклассической аксиоматики в целом [Ольсевич 2013; Глазьев 2018 и др.]; на то, что даже минимальное несовершенство или асимметрия распределения информации ведет к «провалам рынка» [Стиглиц 2011], и т. д.

³ В терминах методологии научных программ И. Лакатоса.

(2-м мире – то есть мире мысли, или идеальных моделей)⁴, и способное свободно переходить из одного мира в другой. Эта свобода есть важнейшее отличие человека от животных – животные тоже могут обрабатывать информацию во 2-м мире (по заданным в виде рефлексов программам), но, в отличие от человека, не могут самостоятельно разрывать поток взаимодействий, чтобы, оперируя знаками в сознании, создать *новую* модель реальности [Егоров 2000: 4–6; Егоров Д. Г., Егорова А. В. 2020].

Создание модели реальности, адекватно отражающей оную (то есть создание модели истинной), или заимствование ее (из какого-то источника, признаваемого истинным), есть не просто возможность мышления. Это условие выживания: как отдельного человека, так и человечества в целом. Это то, что сделало человека царем природы (поставило на вершину экологической пирамиды питания).

В конечном счете это экзистенциальная потребность человека.

Любой человек, в том числе никогда не проходивший систематического обучения, имеет модель реальности (картину мира), лежащую в основе его поведения. В случае отсутствия систематического обучения картина мира индивида состоит из набора образов, в значительной степени связанных с его личностным жизненным опытом. В то же время для повышения эффективности как воздействия на мир, так и взаимодействия весьма желательно, чтобы модели реальности отдельных индивидуумов были intersubъективны.

Социальный институт науки служит именно этим целям: верификации, развитию, детализации и передаче intersubъективной модели реальности. Способ, которым это достигается, – замещение в картине мира образов на теории, то есть формализация модели мира.

В рамках европейской цивилизации систематически и в явном виде этот процесс был начат в Древней Греции: в школах Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля. Способом получения достоверного и intersubъективного знания стал теоретический метод:

- а) принятие за основание для выводов аксиом и принципов (то есть утверждений, несомненно истинных);
- б) четкое (однозначное) определение всех терминов и понятий;
- в) выведение следствий строго по правилам логики (эксплицированных и формализованных Аристотелем).

Важно отметить, что логический запрет на противоречие («не могут быть одновременно истинными утверждение и его отрицание») имплицитно предполагает принцип единства мира (единства во времени и пространстве законов, лежащих в основе упорядоченности бытия). Сформулированный впервые в философии Парменида, принцип единства мира был принят как основа теоретического метода и вообще науки.

Вплоть до Декарта идеалом науки было создание целостной аксиоматики, из которой вытекалы бы абсолютно достоверные теоремы, описывающие все аспекты реальности⁵. В Новое время становится ясным, что всю совокупность знаний

⁴ Здесь мы не рассматриваем вопрос о природе этого второго мира – для нас достаточно установления его наличия.

⁵ Математика и логика к началу XX в. были практически полностью аксиоматизированы. Но уже физика от этого идеала достаточно далека.

о природе и человеке нельзя вывести из очевидных истин. В результате наука вынужденно дополняется *эмпирическим* методом: теория, построенная на не вполне очевидных основаниях (гипотетико-дедуктивная), принимается, если проходит проверку сопоставлением ее выводов с фактами (до момента, пока очередная опытная проверка ее не фальсифицирует [Поппер 1983]). Факты получаются либо просто наблюдением, либо наблюдением в специально созданных условиях (это и есть эксперимент).

Важно подчеркнуть: и в эмпирическом методе первичны теории. Эксперимент служит инструментом проверки теории, но в ее отсутствие он просто невозможен (немыслим). То есть экспериментальный метод (ставший частью науки в Новое время) – это развитие и обогащение способов получения истинного знания, формализованных в Античности, а вовсе не разрыв традиции (тем более – не создание ее заново).

Таким образом, научный метод предполагает три условия получения достоверного знания:

1) принятие при построении теорий оснований, отражающих сущностные свойства предметной области теории⁶;

2) построение выводных предложений по правилам логики. Это предполагает как строгое определение всех понятий, так и взаимную непротиворечивость теорий: теория должна быть согласована с теориями более высокого (низкого) уровней, что и делает непротиворечивой научную картину мира в целом;

3) соответствие выводных предложений теории и фактов, то есть эмпирическая (по возможности, количественная) проверка истинности.

Каких-то принципиально иных способов получения достоверного знания в рамках научного метода нет⁷.

Последняя попытка этот идеал реализовать (постановка задачи полной аксиоматизации всех научных дисциплин) была предпринята Д. Гилбертом в начале XX в. [Hilbert 1970]. Гилберт здесь, впрочем, преуспел не больше Декарта.

В экономической теории попытки полной аксиоматизации имели место во второй половине XX в. (на основе теории общего экономического равновесия Эрроу – Дебрё, а также в рамках прагматологического подхода неоавстрийской школы), – и также безуспешно.

⁶ Аргументом в пользу истинности оснований теории может быть их очевидность (то есть их семантическая истинность). Но выбор очевидных оснований: а) не всегда возможен (так, принципы квантовой механики с точки зрения здравого смысла парадоксальны); б) «очевидность» может оказаться ложной: так, для разрешения парадоксов в основаниях математики, выявленных к началу XX в., Э. Цермело предложил аксиому выбора. Аксиома эта достаточно «очевидна»: она постулирует возможность выбора из любой совокупности непустых множеств по одному элементу и образования из отобранных элементов нового множества. Однако из нее прямо следует возможность разбить сферу на четыре части, и из полученных частей собрать две новые сферы того же размера, что и исходная [Виленкин 1983: 138]. Именно из-за этого «парадокса сферы» (очевидно противоречащего здравому смыслу) многие математики отказываются от использования аксиомы выбора.

⁷ Методы можно выделять десятками (названий существует множество); однако при анализе их существа любой частный метод либо сводится к (1–3), либо оказывается за пределами науки. Пример: метод герменевтический (попытка прочувствовать, что автор какого-либо текста «на самом деле» хотел сказать). Это не значит, что мы считаем герменевтический метод «неправильным», – это значит, что мы считаем его не научным, а философским, культурологическим (ибо наукой гуманитарное знание не исчерпывается).

Тезисы (1–3) *per se* достаточно просты, – но из этого не следует, что их практическое применение тоже просто. Сложности построения теорий можно, по нашему мнению, свести к двум принципиальным проблемам:

А) как найти основания теории (принципы, аксиомы, базовые модели);

Б) что именно следует менять в теоретической картине мира при появлении факта, с ней не согласующегося (проблема П. Дюгема).

(А) Изначально поиск первичных принципов Платон трактовал как воспоминание души о мире идей (частью этого высшего уровня бытия, по учению Платона, принципы и являются): философ – это тот, кто обладает свойством непосредственного видения истины (которая потом доносится до других людей в форме доказательства теорем).

В Средние века этот подход выродился в схоластический выбор оснований для теорий: их стали формально искать в текстах Библии и работах Аристотеля.

Реакцией на схоластику стал эмпиризм Фрэнсиса Бэкона и его последователей: стремление находить принципы теорий индуктивно (обобщением фактов). Дж. Милль сделал попытку формализовать индукцию. В XIX в. философы-позитивисты предполагали всю науку построить индуктивно.

Однако подход этот внутренне противоречив: как показал, например, К. Поппер (а ранее – И. Кант и Д. Юм), только лишь из фактов не следует ничего, потому что «индуктивный вывод» уже предполагает некое общее положение как свое основание (подобно тому как груды кирпичей в отсутствие проекта никогда «индуктивно» не образует дом). Сам Поппер вопрос о том, откуда берутся принципы теорий, выносил за рамки науки (подчеркивая, однако, что они определенно не являются «индукцией из фактов» [Поппер 1992: 299, 336]).

Можно констатировать: и в случае, если мы принимаем ту или иную форму платонизма⁸, и в случае, если мы трактуем принципы и аксиомы науки как интуитивное конструирование, нахождение принципов есть процесс неформализуемый. Это акт чистого творчества, а не результат какого-либо универсального интеллектуального алгоритма.

(Б) Проблема П. Дюгема (в англоязычной литературе именуемая тезисом Дюгема – Куайна) заключается в невозможности «решающего эксперимента», однозначно опровергающего или подтверждающего какую-то конкретную гипотезу: ученый «не может подвергнуть контролю опыта одну какую-нибудь гипотезу в отдельности, а всегда только целую группу гипотез. Когда же опыт его оказыва-

Отметим также (в плане дискуссии со сторонниками представлений о том, что формы теории, принятые в естествознании, не годятся для общественных наук, в том числе для экономики): выделенные нами способы построения истинных моделей реальности (теорий) характеризуют науку вообще, а не только лишь естествознание. В естествознании идеал научности был просто реализован раньше, чем в науках общественных. Изначально же идеал построения теории был реализован в рамках математики (геометрия Евклида), – ему, собственно, подражали и естествоиспытатели (Галилей), и гуманитарии (Спиноза: его основной труд «Этика» по форме есть очевидное подражание Евклиду).

Конечно, науки общественные имеют свою специфику, – зачастую количественная проверка гипотез оказывается весьма сложной (и приходится удовлетворяться проверкой качественной), – но это не меняет существа научного метода и его цели (построения модели мира, как можно более адекватной прообразу).

⁸ То есть признаем объективность мира общих идей [Penrose 1994; Целищев 2014].

ется в противоречии с предсказаниями, то он может отсюда сделать лишь один вывод, а именно, что, по меньшей мере, одна из этих гипотез неприемлема и должна быть видоизменена, но он отсюда не может еще заключить, какая именно гипотеза неверна» [Дюгем 2007: 224].

В течение XX в. предпринимались многочисленные попытки решить эту проблему: найти какие-то методологические правила, которые бы ясно указывали, как именно проверять и сравнивать гипотезы, как организовать «решающий эксперимент» и т. п. Наиболее известные и влиятельные попытки такого рода были предприняты К. Поппером и И. Лакатосом. Вся философия науки К. Поппера есть, в сущности, попытка решить проблему П. Дюгема путем нахождения неких методологических правил. В частности, Поппер предлагал заранее устанавливать критерии опровержения теории: «следует договориться относительно того, какие наблюдаемые ситуации, если они будут действительно наблюдаться, означают, что теория опровергнута» [Поппер 1983: 247]⁹, и считал это одним из центральных элементов своей концепции¹⁰.

Следует признать, что попытки преодолеть проблему Дюгема нормативными предписаниями (создать *универсальный* критерий для выбора предпочтительной теории) оказались утопичными, и утопичны они, по нашему мнению, в принципе¹¹. Как показал еще П. Фейерабенд, рациональные стандарты попперовского критического рационализма нарушались в процессе развития науки множество раз, и, что особенно важно, эти стандарты *должны* были нарушаться: «Строгое соблюдение правил не улучшило бы дела, а задержало прогресс науки» [Фейерабенд 1986: 473].

Отметим также, что, обоснованно критикуя Поппера за стремление предложить *универсальный* критерий для выбора предпочтительной теории, сам Фейерабенд дошел до откровенного иррационализма (объявления понятия «истина» «зловредным монстром»). Но из того, что, вероятно, невозможно описать один абсолютный критерий выбора, не следует, что рациональных критериев выбора предпочтительной теории нет вообще¹².

⁹ Иными словами, К. Поппер предлагал запрет на гипотезы ad hoc (в других работах он использовал как синонимы «вспомогательным предпосылкам ad hoc» понятия «конвенционалистские страгемы» и «иммунизирующие страгемы» [см.: Блауг 2004: 64].

¹⁰ «...Методологические ограничения не являются избыточными приложениями к попперовской философии науки; наоборот, они относятся к ее базовым элементам» [Там же].

¹¹ Интересно отметить, что К. Поппер прекрасно понимал невозможность существования *универсального* критерия истины [Поппер 1992: 444–447] и справедливо указывал, что «отсутствие критерия истины не в большей степени лишает понятие истины смысла, чем отсутствие критерия здоровья делает бессмысленным понятие здоровья» [Там же: 446]. Однако в области методологии Поппер приложил огромные усилия, пытаясь решить столь же утопическую задачу создания *универсального* критерия для выбора теорий.

¹² В реальной практике такой выбор осуществляется на основе комплекса критериев, и это комплекс именно рациональных критериев. В своей работе «Наука в свободном обществе» их приводит сам П. Фейерабенд: линейность-нелинейность теории, степень логической последовательности, количество аппроксимаций, согласованность с некоей фундаментальной теорией или метафизическим принципом и т. д. [Фейерабенд 1986: 503]. Ранее Е. А. Мамчур на основе исследования истории физики показала, что одним из основных методологических регулятивов в познании выступает принцип простоты, и в то же время отметила: «Не привели к успеху и попытки разработать точные экспликации (исчисления) простоты, способные сыграть роль

О некоторых аспектах методологии современной экономической науки

Теперь рассмотрим, как проблемы (А–Б) решались последние 50 лет в рамках методологии экономического мейнстрима.

(А) Поиск принципов теорий.

Со второй половины XX в. среди экономистов-неоклассиков становится популярной методология инструментализма: «принципы могут быть какими угодно, вплоть до очевидного противоречия онтологии реальности – лишь бы дедуцируемая из них теория объясняла факты».

Основоположником современного экономического инструментализма считается М. Фридмен, выступивший в 1953 г. с программной статьей [Фридмен 1994]. Отметим, что сам он занимал достаточно взвешенную методологическую позицию, ограничиваясь тезисом, что принципы теории не являются «фотографиями реальности» (с чем мы полностью согласны): «...вопрос о “предпосылках” теории состоит не в том, являются ли они “реалистичными” описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются, но в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с точки зрения конкретной цели» [Там же: 29]. Сомнительная честь доведения умеренного инструментализма Фридмена до предельного конвенционализма («принципы могут быть какими угодно...») принадлежит его последователям.

Инструментализм в последние десятилетия практически стал методологическим стандартом для неоклассической теории.

Мы считаем, что это – такой же перегиб (в эмпиризм), как и абсолютизация рационализма в стиле Г. В. Ф. Гегеля: «Если факты противоречат моей теории – тем хуже для фактов...» Из реальных сложностей философского анализа принципов экономических теорий совершенно не следует, что они могут быть «какими угодно». Что вообще значит – теория проверена эмпирически? Это означает, что теория является адекватной моделью какого-то фрагмента реальности (ее выводы соответствуют фактам). Следуя инструментализму (конвенционализму): теория в целом должна быть изоморфна каким-то аспектам реальности, а ее первичные принципы (из которых она целиком и полностью вытекает) могут быть какими угодно? Очевидно, теория именно потому и объясняет факты, что ее принципы отражают какие-то сущностные свойства реальности¹³.

Последние десятилетия наблюдается так называемый «эмпирический поворот» в экономических исследованиях [Кошовец 2019], или «эконометриковерие» (доминанция результатов, полученных с применением методов математической статистики, над теорией: теоретические принципы трактуются как условность, не имеющая отношения к реальности [Капелюшников 2018: 16]). По нашему мнению, эта тенденция напрямую связана с многолетним господством в экономическом мейнстриме инструментализма: если принципы теории могут быть «какими

некоторого идеального канона...» [Мамчур 1975: 166]. Нами этот вопрос ранее был рассмотрен [Егоров 2006].

¹³ При этом «отражать сущностные свойства реальности» – не значит быть «фотографией» реальности. Геометрия очевидно отражает сущностные свойства пространства, в котором мы живем, но совсем не потому, что реальные линии в самом деле бесконечные и абсолютно ровные. Поэтому первичные принципы не могут быть «какими угодно», – они должны быть изоморфны предметной области теории.

угодно», то в конечном счете и теория в целом может быть какой угодно. Но зачем тогда теория вообще нужна? Вполне закономерно, что теоретические принципы начинают восприниматься как условность, не имеющая отношения к реальности, и появляются работы, легитимизирующие *status quo* [Rodrik 2015].

Мы считаем, что «эмпирический поворот», конечно, трансформация, но отнюдь не развитие, а достаточно очевидная методологическая деградация. Обоснуем этот тезис.

Призыв к фактическому отказу от теоретического метода (и замещению гипотетико-дедуктивных теорий эмпирическими обобщениями) отнюдь не нов: это лозунг позитивистов конца XIX – начала XX в. Ограниченность и тупиковость этого подхода были неоднократно продемонстрированы в XX в., в частности, в вышеупомянутых работах К. Поппера. Но «эмпирический поворот» является регрессом более глубоким, ибо в его рамках не просто принижается значение общих теорий, но считаются вполне допустимыми противоречия частных теорий между собой, что приводит к идеям «множественности истин»: «...экономисты не испытывают дискомфорта, находясь в рамках balkанизированной реальности и прямо противоречащих друг другу эконометрических оценок» [Кошовец 2019: 18].

По этому поводу отметим следующее. Наука дает образ мира: в виде иерархии теорий, от фундаментальных до частных. При этом согласованность теорий между собой (через их сводимость к теории фундаментальной) делает образ целостным и непротиворечивым. Ситуация, когда отдельные теории не согласуются между собой, в процессе развития науки, конечно, неоднократно возникала, но всегда трактовалась как кризис и предполагала усилия по созданию более общей теории, снимающей такого рода противоречия. Если же научная картина мира исследователя толерантна к противоречиям (отрицает принцип единства мира), – это есть переход ее носителя от мышления понятийного к прото-логическому мышлению¹⁴: ведь это есть, в сущности, отказ от двух основных законов логики (запрета на противоречие и исключенного третьего). Поэтому, как только начинаются рассуждения о «множественности истин», «субъективности истины» и т. п., территорию науки (в традиционном смысле этого слова) мы покидаем.

(Б) Во второй половине XX в. нормативный подход Поппера к решению проблемы Дюгема (выбора теорий, наилучшим образом соответствующих фактам) активно пропагандировался в экономической теории [Блауг 2004]. В конечном счете попперианский нормативизм научным экономическим сообществом был отвергнут¹⁵ [Хэндс 2012: 231–235]; по нашему мнению, это вполне адекватно и обоснованно. С конца XX в. практическим методологическим стандартом в экономике стал методологический плюрализм: исследователь может следовать такой методологии, какую считает наиболее адекватной, при условии, что эту свою методологию он ясно эксплицирует. Однако методологический плюрализм должен оставаться методологическим: мы имеем в виду, что методология (в нашем случае – экономическая) есть «отрасль знания, изучающая экономическую науку как вид человеческой деятельности» [Ананьин 2005: 17]. Иными словами, *методоло-*

¹⁴ Как у членов архаических племен, в мышлении которых нормы классической логики, действительно, постоянно нарушаются.

¹⁵ Так же, как и в «большой» философии науки [Степин 2000].

гический плюрализм не должен выходить за рамки науки. А смысл науки – в поиске истины, иными словами, в построении истинных моделей реальности.

Отказ от методологического нормативизма в экономической науке привел к тому, что маятник качнулся в противоположную сторону: пришла мода на всякого рода постмодернистские «деконструкции», риторические исследования и т. п. [Болдырев 2011: 51], – а это есть тенденция к инфляции понятия «истина»¹⁶.

А теперь вернемся к сформулированным в первой части нашей работы трем условиям получения достоверного знания, к которым сводится научный метод. И обратим внимание на следующий тренд:

а. Инструментализм в своей развернутой форме («принципы теории могут быть какими угодно и вообще не подлежат обсуждению и проверке») – есть отказ от проверки теорий по условию (1);

б. «Эмпирический поворот» есть отказ от условия согласованности частных теорий между собой и их сводимости к теории общей – то есть отказ от условия (2);

с. «Риторический поворот» (в своей крайней форме объявляющий любую теорию просто набором «басен», «вдохновляющих историй» [Макклоски 2015; Rodrick 2015: 17]) есть отказ от условия (3).

Это тренд «методологического прогресса»?

Или последовательного разрушения понятийного мышления?

Что означают изменения в методологии экономической теории: наша философская гипотеза

Казалось бы, вышеозначенные тенденции в методологии современной экономической науки можно охарактеризовать просто как деградацию научного метода. По нашему мнению, однако, это было бы слишком примитивным и не вполне верным объяснением.

Наша гипотеза следующая: обсуждаемые тенденции есть способ защиты «твердого ядра» современного экономического мейнстрима.

Что есть твердое ядро современного мейнстрима? Очевидно, это теории совершенной конкуренции и общего экономического равновесия, которые по своей сути есть формализации интуитивного ощущения сторонников либерализма: «рынок сам по себе обладает свойством приходить в состояние оптимального равновесия». Гипотеза «эффективных рынков» лежит в основе макроэкономического регулирования во многих странах мира¹⁷.

Защита «твердого ядра» (парадигмы) может проводиться путем отбрасывания и трансформации частных теорий, выдвижения объяснений *ad hoc* для отдельных «неудобных фактов» и т. д. Но возможна и другая стратегия: выдвижения таких методологических правил, которые сами по себе будут выводить «твердое ядро» соответствующей парадигмы (в нашем случае – неоклассической) из-под огня научной критики.

¹⁶ В исследованиях такого рода отказ от понятия объективности истины может быть как имплицитным, так и демонстративно эксплицитным [Макклоски 2015].

¹⁷ Это делается в форме предположения о том, что экономика стремится к точке равновесия в будущем, – что лежит в основе экономико-математических DSGE-моделей, а они в последние 20 лет стали фактически стандартным инструментом большинства ЦБ [см.: Андрианов и др. 2014].

Первое, что следует отметить в рамках обоснования нашей философской гипотезы: знаменитое эссе 1953 г. М. Фридмена было написано с целью защитить неоклассическую теорию от критики предпосылки (важной для теории совершенной конкуренции) о максимизации прибыли предпринимателями (она не подтверждалась опросами самих предпринимателей). Заметим, что в своей первоначальной форме («принципы не должны и не могут быть “фотографией реальности”») защита неоклассики Фридменом была вполне адекватна. Но между утверждениями «не быть точной фотографией реальности» и «прямо противоречить реальности» принципиальная разница. Последователи Фридмена трансформировали методологию инструментализма в утверждение, что принципы экономической теории могут быть какими угодно (если есть факты, теорию подтверждающие)¹⁸. На этом основании критика монетаризма и теории рациональных ожиданий («новой классики») за абсолютную неправдоподобность их предпосылок¹⁹ стала отвергаться с порога как «методологически ошибочная»²⁰. Инструментализм стал эффективным средством защиты «твердого ядра» мейнстрима.

Когда в результате кризиса 2008 г. на неоклассическую теорию обрушился шквал критики за неспособность предсказать события такого масштаба [Кэй 2012], инструменталистский способ защиты стал неадекватен: речь шла уже не столько о неправдоподобности предпосылок, сколько о вопиющем разладе теории мейнстрима с фактами...

...И появляется мода на отказ от увязки данных эконометрических исследований с общей теорией («эмпирический поворот»; декларации о «горизонтальном прогрессе» экономического знания [Rodrik 2015] и т. д.). Казалось бы, «эмпирический поворот» снижает значимость общей теории («твердого ядра» неоклассики). Но в действительности эта методологическая стратегия «твердое ядро» неоклассики спасает: ведь если признавать необходимость соответствия эконометрических данных и теоретических концепций, то неоклассическая теория после своего провала 2008 г. должна подлежать замене (как минимум – кардинальной трансформации). Тезисы, что «общая теория вообще не нужна» или что «общая теория, может, и нужна, но ее разработка утопична» (в силу якобы крайней сложности и изменчивости современной экономики) снимают необходимость замены неоклассической теории какой-то иной – и тем самым роль твердого ядра в основном направлении современной экономики за неоклассикой сохраняют²¹.

¹⁸ Интересно отметить, что сам Фридмен от дальнейших методологических дискуссий, как правило, уклонялся [Бергин 2017: 189].

¹⁹ То есть принципов абсолютной рациональности, полной информированности экономических агентов и мн. др. [см.: Егоров 2005; 2013; 2016].

²⁰ Например, авторитетный экономист и методолог М. Блауг в своей известной работе [Блауг 2004] критикует новую классическую макроэкономику за неправдоподобие ее принципов, объявив «серьезной методологической ошибкой». Далее там же Блауг сделал еще более фантастическое заявление: «История науки (и экономической теории) полна мощных, влиятельных и долгоживущих теорий, основанных на предпосылках, которые стали считать правдоподобными лишь в результате долгого повторения» [Там же: 311]. Здесь следует заметить, что продвижение научной концепции непрерывным повторением тезиса (пока он не проникнет в массовое сознание как «истина») характерно именно для возврата неоклассической теории в 70–80-е гг. XX в.: продвижение в СМИ либерально-монетарных идей «обосновывалось» в существенной степени рефреном «альтернативы нет» (английская аббревиатура TINA).

²¹ Так, апологет «эмпирического поворота» и «горизонтального прогресса» в экономике Д. Родрик, объявляя теоретические модели «баснями», при этом настаивает на наличии у этих

Хотя при проведении конкретных исследований теоретическое ядро мейнстрима последователями «эмпирического поворота» практически игнорируется, именно оно продолжает определять основные черты макроэкономической политики ВБРР, МВФ и ЦБ большинства государств мира. И именно по неоклассическим учебникам продолжается обучение будущих менеджеров, экономистов, политиков, формируя у них общую картину мира в соответствии с догмами неоклассики.

Заключение

Какие выводы мы делаем из вышеизложенного?

Прежде всего следует отметить, что мы в принципе не согласны с тезисом, что наука – это проект, который был создан некими решениями элит несколько сотен лет назад, а теперь подошел к своему концу [Кошовец 2019: 33]. Наука – это фундамент нашей цивилизации, заложенный тысячи лет назад. Конец науки – это конец нашей цивилизации.

Основа науки – принцип единства мира. Принятие идеи о «множественности истин» приводит к выходу за рамки науки. Выход из теоретического кризиса экономической теории (а таковой, мы считаем, очевидно имеет место) находится не в размытии тысячелетних стандартов научности (в форме «эмпирического поворота», «риторического поворота», постмодернизма и т. д.), а в возврате к оным. Как именно? Разработкой новой фундаментальной экономической теории микро- и макроуровня²².

Литература

Ананьин О. И. Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ. М. : Наука, 2005.

Андреанов Д. Л., Шульц Д. Н., Ощепков И. А. Динамические стохастические модели общего экономического равновесия // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 7. С. 18–25.

Бергин Э. Великая революция идей. Возрождение свободных рынков после Великой депрессии. М. : Мысль, 2017.

Болдырев И. А. Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 9. С. 47–70.

Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М. : Журнал Вопросы экономики, 2004.

Виленкин Н. Я. В поисках бесконечности. М. : Наука, 1983.

Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир, 2018.

Деягин М. Г. Основы политики модернизации в условиях глобального финансового кризиса // Век глобализации. 2009. № 1. С. 33–44.

басен морали, – и мораль эта оказывается апологетической для мейнстрима: «...свободные рынки эффективны» [Rodrik 2015: 17]. Это очевидно коррелирует с известным утверждением лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица, что западные экономисты уже давно не столько ученые, сколько «группа поддержки капитализма» [Стиглиц 2011: 288].

²² Наши взгляды на то, как могла бы выглядеть такая теория, мы изложили в [Егоров 2013; Егоров Д. Г., Егорова А. В. 2020].

- Дюгем П. Физическая теория: ее цель и строение. М. : КомКнига, 2007.
- Егоров И. А. Принцип свободы как основание общей теории регуляции // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 2–10.
- Егоров Д. Г. Информационно-синергетическая экономика: введение. Апатиты : Изд-во Кольского научного центра РАН. 2005.
- Егоров Д. Г. Если парадигмы несоизмеримы, то почему они все-таки меняются? // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 102–110.
- Егоров Д. Г. О теоретической альтернативе экономическому мейнстриму // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 7. С. 70–78.
- Егоров Д. Г. Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 35–41.
- Егоров Д. Г., Егорова А. В. О построении неравновесной микротeorии // Общество и экономика. 2020. № 2. С. 18–33.
- Капелюшников Р. И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Куда движется современная экономическая наука? Научные доклады. М. : ИЭ РАН, 2018. С. 8–33.
- Концепция участия России в объединении БРИКС. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 21 марта 2013 [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/17715 (дата обращения: 01.02.2021).
- Кошовец О. Б. «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструируемой реальностью и технонаукой: Научный доклад. М. : ИЭ РАН, 2019.
- Кэй Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 4–13.
- Маккроски Д. Риторика экономической науки. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, Международные отношения, 2015.
- Мамчур Е. А. Проблема выбора теории. К анализу переходных ситуаций в развитии физического знания. М. : Наука, 1975.
- Ольсевич Ю. Я. Современный кризис «Мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). М. : Ин-т экономики РАН, 2013.
- Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. – М. : Ин-т компьютерных исследований, 2005.
- Поппер К. Логика научного исследования / К. Поппер // Логика и рост научного знания. М. : Прогресс, 1983. С. 33–235.
- Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 2. М. : Феникс, 1992.
- Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М. : ИНФРА-М, 1999.
- Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
- Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М. : ЭКСМО, 2011.
- Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986.
- Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
- Фридмен М. Капитализм и свобода. М. : Новое изд-во, 2006.

Хасбулатов Р. И. Идолы и идолопоклонники: крах либертаризма. Статья первая // Век глобализации. 2011а. № 1. С. 3–14.

Хасбулатов Р. И. Идолы и идолопоклонники: крах либертаризма. Статья вторая // Век глобализации. 2011б. № 2. С. 32–40.

Хасбулатов Р. И. Идолы и идолопоклонники: крах либертаризма. Статья третья // Век глобализации. 2017. № 3. С. 3–16.

Хомский Н. Прибыль важнее людей: Неoliberalизм и мировой порядок. М. : Праксис, 2002.

Хэндс Д. У. Поппер и Лакатос в экономической методологии // Философия экономики. Антология. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. С. 227–246.

Целищев В. В. Математический платонизм // Scholae. 2014. Т. 8. № 2. С. 492–504.

Hilbert D. Axiomatic Thinking // Philosophia Mathematica. 1970. Vol. 7. Pp. 1–12.

Lucas Jr. L. E. Expectations and the Neutrality of Money // Journal of Economic Theory. 1972. Vol. 4. No. 2. Pp. 103–124.

Penrose R. Shadows of the Mind: An Approach to the Missing Science of Consciousness. Oxford : Oxford University Press, 1994.

Popper K. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. London : Oxford University Press, 1972.

Rodrik D. Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science. New York : W.W. Norton, 2015.

Woodford M. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. No. 1. Pp. 267–279.

References

Anan'in O. I. Struktura ekonomiko-teoreticheskogo znaniya. Metodologicheskii analiz [The Structure of Economic and Theoretical Knowledge. Methodological Analysis]. Moscow : Nauka, 2005.

Andrianov D. L., Shults D. N., Oshchepkov I. A. Dinamicheskiye stokhasticheskiye modeli obshchego ekonomicheskogo ravnovesiya [Dynamic Stochastic Models of General Economic Equilibrium] // Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal. 2014. No. 7. Pp. 18–25.

Bergin E. Velikaya revolyutsiya idey [The Great Revolution of Ideas]. Moscow : Mysl', 2017.

Boldyrev I. A. Ekonomicheskaya metodologiya segodnya: kratkiy obzor osnovnykh napravleniy [Economic Methodology Today: a Brief Overview of the Main Directions] // Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. 2011. No. 9. Pp. 47–70.

Blaug M. Metodologiya ekonomicheskoy nauki, ili Kak ekonomisty ob'yasnyayut [The Methodology of Economics, or How Economists Explain]. Moscow : Zhurnal Voprosy ekonomiki, 2004.

Vilenkin N. Ya. V poiskakh beskonechnosti [In Search of Infinity]. Moscow : Nauka, 1983.

Glazyev S. Yu. Ryvok v budushcheye [Dash into the Future]. Moscow : Knizhny mir, 2018.

Delyagin M. G. Osnovy politiki modernizatsii v usloviyah global'nogo finansovogo krizisa [Fundamentals of Modernization Policy in the Context of the Global Financial Crisis] // Vek globalizatsii. 2009. No. 1. Pp. 33–44.

Duhem P. Fizicheskaya teoriya: eyo tsel' i stroeniye [Physical Theory: Its Purpose and Structure]. Moscow : KomKniga, 2007.

Egorov I. A. Printsip svobody kak osnovaniye obshchey teorii regulyatsii [The Principle of Freedom as the Basis of the General Theory of Regulation] // Voprosy filosofii. 2000. No. 3. Pp. 2–10.

Egorov D. Informatsionno-sinergeticheskaya ekonomika: vvedenie [Information-synergetic Economics: Introduction]. Apatity : Kola Sci. Center RAS. 2005.

Egorov D. Esli paradigmy nesoizmerimy, to pochemu oni vse-taki menyayutsya? [What is the Cause of Paradigma Changing] // Voprosy filosofii. 2006. No. 3. Pp. 102–110.

Egorov D. O teoreticheskoi al'ternative ekonomicheskomu meinstrimu [On Theoretical Alternative to Economic Mainstream] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. No. 7. Pp. 70–78.

Egorov D. Neoklassika vs klassika: est' li v ekonomicheskoi teorii tretiy put'? [Neoclassics vs Classics: is there a Third Way in the Economic Theory?] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. No. 6. Pp. 35–41.

Egorov D., Egorova A. O postroyenii neravnovesnoy mikroteorii [On the Construction of a Non-equilibrium Microtheory] // Obshchestvo i ekonomika. 2020. No. 2. Pp. 18–33.

Kapelyushnikov R. I. O sovremennom sostoyanii ekonomicheskoy nauki: polusotsiologicheskiye nablyudeniya [On the Current State of Economic Science: Semi-sociological Observations] // Kuda dvizhetsya sovremennaya ekonomicheskaya nauka? [Where is Modern Economics Heading?] Moscow : Institute of Economics RAS, 2018. Pp. 8–33.

Kontseptsiya uchastiya Rossii v ob'yedinenii BRIKS utverzhdena Prezidentom RF V. Putiny 21 marta 2013 [Concept of Russia's Participation in the BRICS Union, approved by the President of Russia V. Putin on March 21, 2013]. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/17715 (accessed: 01.02.2021).

Koshovets O. B. «Gorizontal'nyy progress» ekonomicheskoy nauki: mezhdou konstruiruyemoy real'nost'yu i tekhnonaukoy [“Horizontal Progress” of Economic Science: Between Constructed Reality and Technoscience]. Moscow : Institute of Economics RAS, 2019.

Key J. Karta – ne territoriya: o sostoyanii ekonomicheskoy nauki [Map is not a Territory: on the State of Economics] // Voprosy ekonomiki. 2012. No. 5. Pp. 4–13.

McCloskey D. Ritorika ekonomicheskoy nauki [The Rhetoric of Economics]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2015.

Mamchur E. A. Problema vybora teorii [The Problem of Choosing a Theory]. Moscow : Nauka, 1975.

Olsevich Yu. Ya. Sovremennyy krizis «meynstrima» v otsenkakh yego predstaviteley [Modern Crisis of the “Mainstream” in the Assessments of its Representatives]. Moscow : Nauka, Institute of Economics RAS, 2013.

Popper K. Logika nauchnogo issledovaniya [The Logic of Scientific Discovery] / K. Popper // Logika i rost nauchnogo znaniya [The Logic and Growth of Scientific Discovery]. Moscow : Progress, 1983. Pp. 33–235.

Popper K. Otkrytoye obshchestvo i yego vragi [The Open Society and its Enemies]: in 2 vols. Vol. 2. Moscow : Feniks, 1992.

Soros J. Krizis mirovogo kapitalizma [The Crisis of Global Capitalism]. Moscow : INFRA-M, 1999.

Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie [Theoretical Knowledge] Moscow : Progress-Traditio, 2000.

Stiglitz J. Krutoye pike: Amerika i novyy ekonomicheskiy poryadok posle global'nogo krizisa [Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy]. Moscow : EKSMO, 2011.

Feyerabend P. Izbrannyye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science]. Moscow : Progress, 1986.

Friedman M. Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki [The Methodology of Positive Economics] // THESIS. 1994. No. 4. Pp. 20–52.

Friedman M. Kapitalizm i svoboda [Capitalism and Freedom]. Moscow : Novoye izdatel'stvo, 2006.

Khasbulatov R. I. Idoly i idolopoklonniki: krakh libertarizma. Stat'ya pervaya [Idols and Idolaters: The Collapse of Libertarianism. Article One] // Vek globalizatsii. 2011a. No. 1. Pp. 3–14.

Khasbulatov R. I. Idoly i idolopoklonniki: krakh libertarizma. Stat'ya vtoraya [Idols and Idolaters: The Collapse of Libertarianism. Article Two] // Vek globalizatsii. 2011b. No. 2. Pp. 32–40.

Khasbulatov R. I. Idoly i idolopoklonniki: krakh libertarizma. Stat'ya tret'ya [Idols and Idolaters: The Collapse of Libertarianism. Article Three] // Vek globalizatsii. 2017. No. 3. Pp. 3–16.

Chomsky N. Pribyl' vazhneye lyudey [Profit over People]. Moscow : Praxis, 2002.

Hands D. W. Popper i Lakatos v ekonomicheskoy metodologii [Popper and Lakatos in Economic Methodology] // Filosofiya ekonomiki [Philosophy of Economics]. Anthology. Moscow : G, 2012. Pp. 227–246.

Tselishchev V. V. Matematicheskiy platonizm [Mathematical Platonism] // Scholae. 2014. Vol. 8. No. 2. Pp. 492–504.

Hilbert D. Axiomatic Thinking // Philosophia Mathematica. 1970. Vol. 7. Pp. 1–12.

Lucas Jr. L. E. Expectations and the Neutrality of Money // Journal of Economic Theory. 1972. Vol. 4. No. 2. Pp. 103–124.

Penrose R. Shadows of the Mind: An Approach to the Missing Science of Consciousness. Oxford : Oxford University Press, 1994.

Popper K. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. London : Oxford University Press, 1972.

Rodrik D. Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science. New York : W.W. Norton, 2015.

Woodford M. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. No. 1. Pp. 267–279.